

Л. И. АВЕРЬЯНОВА-ДИДЕРИХС
ЗАПИСЬ О «ВТОРНИКЕ» «НЕОКЛАССИКОВ»

16 НОЯБРЯ 1926 года

Публикация М. М. Павловой

Автор публикуемой мемуарной записи — Лидия Ивановна Аверьянова (в первом браке — Дидерихс; во втором браке — Корсун; псевд. — А. Лисицкая; 1905—1942)¹ входила в кружок молодых поэтов — членов Ленинградской «Ассоциации неоклассиков», который в 1925—1927 гг. собирался (по вторникам) на квартире у Федора Сологуба (Федора Кузьмича Тетерникова; 1863—1927). «Патриарх» русского символизма, с марта 1924 г. возглавлявший Ленинградское отделение Союза писателей, был избран почетным членом «Ассоциации» (наряду с А. А. Ахматовой, М. А. Кузминым и М. В. Ватсон).

Первоначально собрания «неоклассиков» проходили в Союзе писателей на Фонтанке 50 и назывались «Вечера на Фонтанке»; с конца 1925 г. кружок стал собираться у Сологуба (поэт жил на набережной Ждановки в доме № 3, кв. 22), и чтения получили название «Вечера на Ждановке».

В работе кружка участвовали В. В. Смиренский, М. В. Борисоглебский, Е. Я. Данько, Н. Ф. Белявский, А. Р. Палей, А. Н. Рашковская, В. С. Алексеев, Н. Я. Рославлева, А. В. Пумпянская;² в числе гостей на «вторниках» бывали и «старшие» (из окружения Сологуба): Иванов-Разумник, П. Н. Медведев, Л. В. Пумпянский, В. П. Абрамова-Калицкая, А. В. Ганзен, О. И. Ка-

¹ Струве Г. Стихи А. Лисицкой // Мосты. Мюнхен, 1962. № 9. С. 121. См. о ней: Тименчик Р. Д. Тынянов в стихах современницы // Пятые тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 247—249; Лидия Аверьянова. Стихи о Петербурге / Вступ. заметка и публ. Р. Тименчика // Звезда. 1995. № 2. С. 123—129; о ранней биографии поэтессы см. в коммент. А. Устинова и А. Кобринского к дневниковым записям Д. Хармса: Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11. С. 519—520; Глинка М. С. Хранитель В. М. Глинка: Воспоминания. Архивы. Письма. СПб., 2006. Кн. 2. С. 138—139.

² Биографические справки участников кружка «неоклассиков» приведены в коммент. А. Устинова и А. Кобринского к дневниковым записям Д. Хармса: Минувшее. Т. 11. С. 517—520.

пица, В. А. Щеголева, В. А. Сутугина, Ю. Н. Верховский, В. Я. Шишков и др.³

Л. Аверьянова была самой юной участницей «Вечеров на Ждановке», в членских анкетах Союза писателей и Союза поэтов на вопрос о социальном положении и занятиях до октября 1917 г. она отвечала: «ученица средней школы».⁴ Это обстоятельство, вероятно, побудило Вл. Смиренского (бывшего, впрочем, немногим старше),⁵ составить ее шутивную автобиографию: «Я родилась 4 января 1905 года⁶ — и с тех самых пор, вот уже двадцать лет, — живу — и даже пишу стихи. Воспоминаний о детстве у меня никаких не осталось. Помню только, что еще совсем маленькой я слышала, как взрослые говорят о каком-то Курском Антоне. Я очень жалела почему-то этого Антона, и он представлялся мне худым и длинным, в заплатанной серой поддевке и больших валенках... А потом оказалось, что Курский Антон — просто-напросто яблоко. Так жестоко разбивает судьба первые детские грезы... Вероятно, с тех пор я и стала писать стихи. Сначала, как и Пушкин, плохие, а потом — хорошие. У меня сохранилась, кроме воспоминаний, — старая кукла — и я хорошо играю на органе. Читать я ужасно люблю (даже больше, чем мужа), и книги для меня — дороже конфет и пирожных. Читаю я на шести языках: на немецком, французском, английском, итальянском, испанском и русском. Хочу говорить на Смиренском, но пока еще не умею. Влюблена до безумия в тигра Дэзи — и все жалованье мужа уходит в Зоологический сад. Отсюда — постоянные сцены ревности, ссоры и — недалекий развод. Что я буду тогда делать — не знаю, потому что Дэзи ни на одном из шести языков не говорит и жениться на мне вовсе не собирается. Большое влияние на меня оказали Е. Боратынский, Пушкин, Есенин и дядя Джон. Об Августе Рашковской я уж не говорю. Написано у меня две книги стихов: „Vox Humana“ и „Вторая Москва“. Хочу писать третью. Состою членом Всероссийского Союза писателей и поэтов, чего от себя не ожидала. Стихи мои печатались в газете „Смена“, „Лен<инградская> правда“, журнале „Ленинград“, „Красной газете“ утр. и веч., газ<ете> „Красная звезда“ и др. Думаю, что будут печатать и впредь. Ужасно польщена и обрадована тем обстоятельством, что недавно Федор Сологуб — видимо обознавшись — пожал мне руку, а Константин Федин — автор романа „Города и годы“ наступил мне на левую ногу.

³ Подробнее о «вторниках» см.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 192—261; М. В. Борисоглебский и его воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и примеч. М. М. Павловой // *Русская литература*. 2007. № 2. С. 88—115.

⁴ См. ее анкеты члена Союза писателей и Союза поэтов: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 441, 444, 459; оп. 2, ед. хр. 60.

⁵ *Смиренский Владимир Викторович* (псевд. — Андрей Скорбный; 1902—1977) — поэт, до 1927 г. выпустил несколько книг стихов: «Звенящие слезы. Стихи» (Пг., 1921), «Большая любовь. Стихи» (Пг., 1921) и поэмы «Птица белая» (Пг., 1922) и «Via dolorosa» (Пг., 1922), «Осень» (Л., 1927); репрессирован, работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала; впоследствии отошел от поэзии, занимался историей литературы.

⁶ Согласно данным анкет Л. И. Аверьянова родилась 3 января 1905 г. (21 декабря 1904 по ст. ст.).

Автобиографий я писать не умею, волосы остригла, но не курю, а Федька подарил мне графин и купил две тарелки и одну солонку. Лидия Аверьянова».⁷

Внешность девушки-подростка, хрупкость телосложения («былиночка»⁸), болезненность эффектно сочетались в ней с неожиданной для ее лет эрудицией и многообразными дарованиями. Л. Аверьянова (дочь купца второй гильдии) получила завидное образование — владела пятью основными европейскими языками, ее переводы из западноевропейской поэзии получили доброжелательный отзыв М. Л. Лозинского;⁹ училась в Консерватории по классу органа и впоследствии преподавала там же иностранные языки; работала в Интуристе, в 1926 г. в качестве переводчицы сопровождала в поездке из Ленинграда в Москву лауреата Гонкуровской премии классика французской литературы Жоржа Дюамеля (Duhamel; 1881—1966) (без имени была упомянута в его «Путешествии в Москву», 1927),¹⁰ в 1931 г. была гидом Бернарда Шоу,¹¹ а также многих других иностранных гостей (в ее архиве сохранились автографы Умберто Нобиле (1931), Фритьофа Нансена (1928), Мартина Андерсена Нексе (1931), Герберта Уэллса (1934), испанского гитариста Сеговии и др.).

Литературный дебют Л. Аверьяновой (стихотворение «Щит от мира, колыбель поэта...») состоялся в 1923 г. в журнале «Записки Передвижного Театра» (22 окт. № 63); в 1921 г. она стала членом Союза поэтов;¹² систематически рассылала стихи в журналы («Ленинград», «Красная молодежь», «Красный студент», «Записки Передвижного Театра», «Красный журнал

⁷ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 5. В 1935 г. Л. Аверьянова сделала к этому тексту примечание: «Шуточная автобиография моя, написанная не совсем остроумно Владимиром Смиренским в 1926 г.». Федька — муж Л. Аверьяновой — Федор Дидерихс. Упоминается *Рашиковская Августа Натановна* (1898—1988) — литературный критик.

⁸ Письмо Е. М. Шавровой-Юст к Л. Аверьяновой от 4 апр. 1927 г.: РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 62, л. 7.

⁹ 13 апр. 1925 г. М. Л. Лозинский сообщил Л. Аверьяновой: «...Ваш перевод из *Conrada*^a показался мне хорошим, и я берусь рекомендовать и его, и пишу издателю...»; 20 марта 1928 г. он писал Б. А. Кржевскому: «Лидию Ивановну Дидерихс-Аверьянову, которую Вы будете испытывать, как испанку, я знаю в другом плане — как поэта, литературного человека и искусного переводчика. Я знаю один ее перевод с английского (Joseph Conrad); он был сделан здорово хорошо. Уверен, что если Академии наук нужно „перо“, то она его найдет в руке Лидии Ивановны» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 35). *Конрад* (Conrad) Джозеф (наст. имя и фам. — Юзеф Теодор Конрад Коженёвский; 1857—1924) — английский писатель.

¹⁰ Л. Аверьянова оставила об этом событии запись: «Заметка о встречах с Дюамелем и Дюртеном» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 4); см. также описание этого эпизода в книге Р. Я. Райт-Ковалевой (она была также приглашена переводчицей к Дюамелю) «Человек из музея Человека» (М., 1982. С. 114—116). *Дюртен* (Durtain) Люк (наст. имя и фам. — Андре Невё (Nerveu); 1881—1959) — французский писатель; о поездке в Москву в 1927 г. рассказал в книге «Иная Европа. Москва и ее вера» (*L'autre Europe. Moscou et sa foi*) (1928).

¹¹ См. автограф Б. Шоу на шмуцтитуле сборника его пьес: «Inscribed to Lydia Averianova-Korsoon Guide Philosopher Friend. G. Bernard Shaw. Leningrad. 24 July 1931» (перевод: «Надписано Лидии Аверьяновой-Корсун Гиду Философу Другу. Г. Бернард Шоу. Ленинград. 24 июля 1931»). На обороте автографа примечание Л. Аверьяновой 1935 г.: «Надпись Бернарда Шоу в бытность мою его переводчицей в течение 2-х дней в Ленинграде, летом 1931 г., была сделана на моем экземпляре этой его книги» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 64).

¹² См. сведения Л. Аверьяновой в анкете (от 30 окт. 1925) для членов Союза поэтов (ЛО): РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, ед. хр. 60.

для всех») и газеты («Смена», «Ленинградская правда» и др.),¹³ нередко получала отказы.¹⁴ В середине 1920-х гг. она подготовила две книги «Vox Humana» и «Вторая Москва» (изданы не были);¹⁵ к этому же времени относятся ее первые попытки напечататься за границей, не увенчавшиеся, однако, успехом.

Небезынтересное мнение о ранней лирике Л. Аверьяновой высказал Д. А. Лутохин. 15 июня 1924 г. он писал ей из Праги: «В<аши> стихи красивы и сильны, хотя у них два недостатка: они слишком „Ахматовские“ по форме и слишком заражены модным пафосом современных питерских обывателей. Простите столь резкую характеристику. Но поэт имеет право на внимание к себе, когда он поет по-своему. Мне доставит, однако, большую радость, если я смогу Ваши стихи где-нибудь устроить. Не сомневаюсь, что если Вы не бросите поэзии, но и не будете вдали от жизни, из Вас выйдет звезда...»; 27 февраля 1927 г.: «Ваших произведений я не отнес бы все же к любимым. В них — надрыв, крик. Давайте разговаривать тихо, спокойно, не вещая. Вы еще придете к „замедлению пульса“, когда Вам будет больше лет и когда у Вас будет внимающая Вам аудитория».¹⁶

«Ахматовское» влияние в стихах Л. Аверьяновой со временем ослабло, но так и не «выветрилось» окончательно¹⁷ (по справедливому наблюдению Р. Д. Тименчика, ее стихи «несут на себе печать знакомства с поэтической петербурологией Бенедикта Лившица, полушутливыми упражнениями В. Пяста, кажется, стихами Михаила Лозинского и, несомненно, Ахматовой»)¹⁸.

В 26 лет поэтесса попробовала силы в прозе: в журнале «Стройка» были напечатаны фрагменты ее вполне «советского» романа «Апельсинный цветок» — из эпохи барселонской революции 1909 г., в предисловии к нему сообщалось: «Эта революция была массовым вооруженным протестом против колониальной войны в Марокко. Главные герои — рабочий апельсинного сада Тони и его сестра Энкарнасион — являются членами тайной рабочей организации, подготовляющей генеральную стачку в городах Валенсии в помощь барселонским товарищам».¹⁹ Продолжение публикации романа не последовало.

Портрет Л. Аверьяновой позволяют дополнить обращенные к ней послания и шуточные записки друзей и знакомых, к которым приходится об-

¹³ См.: Там же, ед. хр. 60; оп. 1, ед. хр. 441.

¹⁴ Например, в ответ на предложение Л. Аверьяновой напечатать ее стихи В. Б. Шкловский сообщал ей 21 апр. 1925 г.: «Журнал <<Ленинград>> лишен возможности напечатать стихи „без случая“. По технике стихи, кажется, не плохи, но не пойдут» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 63).

¹⁵ Попытка Л. Аверьяновой напечатать вторую книгу стихов в Государственном издательстве не удалась, 26 янв. 1929 г. П. Н. Медведев (бывший завлитом Художественного отдела) сообщил ей: «Не имея возражений по существу против Вашей книги „Вторая Москва“, мы все же вынуждены отказать от издания ее, потому что имеющаяся в нашем распоряжении норма на стихи полностью исчерпана на все полугодие» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 40).

¹⁶ Там же, ед. хр. 37, л. 2, 3—3 об.

¹⁷ В 1926 г. Е. Данько познакомила Л. Аверьянову с А. Ахматовой; подробнее см.: Тименчик Р. Д. Тынянов в стихах современницы. С. 248.

¹⁸ Тименчик Р. О стихах-эмигрантах // Звезда. 1995. № 2. С. 125.

¹⁹ Стройка. 1931. № 13 (апрель). С. 7.

ратиться за наимением других источников, содержащих прямые характеристики «мемуаристики»:

26/27 мая 1927 г. влюбленный в нее И. К. Акимов-Перец (с 1918 в эмиграции) писал из Риги: «Не знаю, дошла ли до Петербурга американская фильма „Notre Dame de Paris“: если да, и Вы видели ее, не нашли ли Вы сходство между собой и играющей роль Эсмеральды артисткой Patsy Ruth Miller? Я только что смотрел во 2-й раз эту фильму. Ни сюжет, ни игра артистов не привели бы меня вторично, только сходство Эсмеральды с Вами, кажется, приведет меня и завтра»;²⁰

Вл. Смиренский (15 января 1926): «...советую Вам прекратить Ваши беззастенчивые ухаживания за безумником Хармсом, иначе я все открою Вашему бедному обманутому мужу, который ничего не подозревает о Ваших интригах и кознях. Мемуары достопочтенного Казановы, видимо, Вам впрок не пошли...»;²¹

Р. Р. Орбели (27 ноября 1927): «Лидочка, марки двадцати сортов. Английские, Болгарские, Египетские, Индийские, Персидские, Малайские и еще какие-то. Ваша коллекция значительно пополнится»;²²

Без даты: «Были: Белявский и Смиренский. Прокляти. Мало того, что прокляли, обеспечили самыми последними словами, потому что не при чем остались. Те же»;²³ К. Чуковский: «Обожаемая Лидия Ивановна! Никогда не забуду сегодняшнего поцелуя! Люб-ящий и -имый Корней. 1933»;²⁴ «Лидочка, нельзя ли достать стакан честной невской воды с тифянными бактериями? Лавренев»²⁵ и т. д. и т. п.

Разносторонне одаренная, обладавшая яркой запоминавшейся внешностью и живым и приветливым нравом, молодая поэтесса и переводчица легко и стремительно вошла в литературный мир Петрограда—Ленинграда (сама она употребляла только одно имя: Петербург) и стала в нем «своей». «Лидочка. Если свободны, приходите в эту среду на литературный вечерок, — приглашала А. Н. Рашковская. — Вероятно, будут Рождественский, Вагинов и др. Если можете, захватите сонеты Эредиа, у Вас, кажется

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 8, л. 36; в папке с письмами на отдельном листе примечания Л. Аверьяновой: «Стихи и письма за подписью John или Иванушка принадлежат перу белоэмигранта Ивана Константиновича Акимова-Перца, поэта, сотр<удника> рижс<кой> газ<еты>, „День“. Лидия Аверьянова. 27 / III—935» (Там же, л. 40). В письме речь идет об американском фильме по мотивам романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», вышедшем на экраны в 1923 г. и имевшем большой успех (режиссеры: Wallace Worsley / Уоллес Орслей и Carl Laemmle / Карл Лемль), в роли Эсмеральды — Patsy Ruth Miller / Пэтси Рут Миллер (1904—1995).

²¹ Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11 С. 519. ...безумником — т. е. «заумником» (каламбур).

²² РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 46. Орбели Русудана Рубеновна (1909—1985) — востоковед.

²³ Там же, ед. хр. 12, л. 37. Белявский Николай Фотиевич (1902—19?) — поэт, член кружка «неоклассиков». См. его письма (25) к Л. Аверьяновой: Там же, ед. хр. 12.

²⁴ Там же, ед. хр. 61.

²⁵ Там же, ед. хр. 30; на обороте записки Бориса Лавренева (наст. имя — Сергеев Борис Андреевич; 1891—1959) примечание: «Вечер физиков и писателей в ВОКС, на котором я за хоззайку! Лидия Аверьянова. 27/III — 1935».

есть...» <1924—1925?>.²⁶ «В субботу в Союзе был редкий вечер, я очень сожалела, что вы отсутствовали, хотя вы не любите чтения в большом кругу, — писала ей Л. М. Гаусман 9 июня 1926 г., — Андрей Белый читал отрывки из „Москвы“. Изумительно красочное и жуткое, одновременно масса юмора, никогда еще не созданные слова и выражения, словом, большая художественная вещь, и притом чтение такого первоклассного мастера, без всякого актерства или аффектации, это было незабываемое, огромное наслаждение, у него глаза бездонные голубые, оригинальная улыбка и до жуткости выразительные руки, и следить за выражением его лица, жестами рук, модуляциями богатейшего голоса было новым очарованием. Успех имел большой, и к чести молодежи она собралась в большом количестве»;²⁷ 16 июля 1928 г. Е. Я. Данько сообщала: «Анна Андреевна просила Вам передать, что будет рада Вас видеть, если Вы зайдете»²⁸ и т. п.

Впервые на Ждановке Л. Аверьянова побывала, вероятно, весной 1925 г. В письме от 4 февраля 1925 г. Вл. Смиренский писал ей: «Что же касается Сологуба — так я его очень люблю и считаю большим и прекрасным поэтом. Несомненно для меня, что повертеться около него „мелким бесом“ — дело стоящее. А за стихи Ваши Вам от него влетит, потому что пропускать в стихах сказуемое можно только одному Хармсу, да и то потому, что в его стихах вообще все пропущено: и смысл — и тема. А стихи Аверьяновой совсем иные».²⁹

В следующие полтора года Л. Аверьянова систематически бывала на собраниях «неоклассиков», «вторники» стали для нее подлинным интеллектуальным и творческим оазисом, способствовали дружескому сближению с молодыми поэтами. 12 мая 1926 г. она писала Сологубу:

«Многоуважаемый Федор Кузьмич! Владимир Викторович Смиренский написал мне, что Вы больны и что Вторник не состоится. Я очень много думала о радости снова бывать у Вас на Вторниках, но, раз я не могу сказать Вам лично, позвольте написать Вам, Федор Кузьмич, как я благодарна за этот кружок людей, который Вы собрали вокруг себя, за возможность бывать на этих Вторниках, и главным образом, за то, что через Вас и Ваши Вторники я узнала Елену Яковлевну,³⁰ — это был самый большой подарок от жизни за все эти годы. Вас, наверное, немного удивил финал этой длинной, ужасно нелепо составленной фразы, — но Вы, зная Елену Яковлевну, поймете, что много отношения к ней со стороны знающих ее людей нет, и не может быть. Иметь такого друга, как она, — это совершенно огромное счастье: в ней столько тишины — а это такое — ну, прямо, животворящее качество!

²⁶ Там же, ед. хр. 47. Упоминаются: *Рождественский Всеволод Александрович* (1895—1977), *Вагинов Константин Константинович* (1899—1934); *Зредиа Жосе Мария* (1842—1905) — французский поэт, стихи которого переводила Л. Аверьянова. На обороте записки — письмо В. Рождественского к А. Рашковской от 12 марта 1924.

²⁷ Там же, ед. хр. 17, л. 1 об.—2. См. примечание Л. Аверьяновой 1935 г.: «Л<идия> М<ойсеевна> Гаусман — переводчица, моя первая учительница англ<ийского> яз<ыка>» (Там же, л. 10 об.).

²⁸ *Тименчик Р. Д.* Тынянов в стихах современницы. С. 248.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 54, л. 21. ...«мелкий бесом» — каламбур: «Мелкий бес» — роман Ф. Сологуба (впервые: Вопросы жизни. 1905. № 6—11; отд. изд. — 1907).

³⁰ *Данько Елена Яковлевна* (1898—1942) — поэт, входила в «Ассоциацию неоклассиков», иллюстратор, художница по фарфору, с 1926 по 1932 г. секретарь Ленинградского отделения Союза писателей; подробнее о ней см.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения. С. 192—261. Письма Е. Я. Данько к Л. И. Аверьяновой см.: РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 18.

Но настоящей, коварной целью этого письма все-таки является не радость, что мы с Еленой Яковлевной, кажется, будем друзьями; цель эта — попросить у Вас хоть две строчки, написанные Вашим почерком, — если, конечно, Ваше здоровье не помешает исполнению моей просьбы; но если бы Вы знали, Федор Кузьмич, как мне ужасно хорошо бывать в Вашем доме и слушать запоем каждое произносимое здесь слово — Вы бы не удивились, что мне так хочется иметь 2 строчки, написанные Вашим почерком, заключающие одну Вашу мысль: я так хочу иметь у себя дома что-нибудь, самый маленький клочок бумаги, постоянно напоминающий мне, что Ваши Вторники существуют и для меня.

Мне опять предстоит клиника — Туберкулезный институт или санатория для легочных, и мне так не хочется терять связь с Вашим домом, а бумажка поможет не терять ее.

Простите, что заставила Вас читать такое письмище, больше никогда не буду. Поправляйтесь как можно скорее, пожалуйста, Федор Кузьмич, а то, когда Вы больны, такое чувство, что в мире моем не все идет благополучно — и не только в „моем“ мире.

Еще раз всего лучшего и здоровья, здоровья, здоровья — я так хотела бы передать Вам все то здоровье, которое я день за днем теряю — это дало бы Вам очень значительный запас его!

Искренно преданная Лидия Аверьянова.

Р. S. Мой адрес: В<асильевский> о<стров>, 17 линия, кв. 2 — это будет огромным подарком, дорогой Федор Кузьмич, если Вы согласитесь его запомнить». ³¹

К ответному письму приложен автограф: «искренно любящий его Федор Сологуб» (на обороте рукой Л. Аверьяновой: «Подарок Смиренского 1926. Л. А.»).

17 мая 1926 г. Сологуб писал:

«Дорогая Лидия Ивановна, очень благодарю Вас за Ваше милое письмо, и очень рад, что Вы находите удовольствие бывать на собраниях „неоклассиков“. В этот вторник, 18-го, собрание опять не состоится, потому что я все еще на положении больного. Я условился с Л. В. Пумпянским, ³² что мы соберемся в будущий вторник, 25-го. Я был бы очень рад, если бы и без этого повода, и до этого дня Вы зашли ко мне почитать Ваши стихи, которые мне очень нравятся. — Мне приятно, что на этих собраниях Вы очарованы одною из их посетительниц: очароваться кем-нибудь всегда радостно, и не всегда за очарованием наступает разочарование. Но моя заслуга в этом невелика: Вы могли познакомиться с Е. Я. Данько у нас в Союзе. Я сам недавно познакомился с нею, когда Е. Я. Данько вступила в наш Союз. До того я знал только ее стихи. Их принесли мне однажды года три тому назад в виде сверстанных корректурных листов приготовленной к печати книжки. Книжка не вышла тогда. ³³ Вчера я видел Елену Яковлевну, она приехала на два дня из санатории и вечером была у меня. Е<лена> Я<ковлевна> сказала мне, что Вы послали ей Ваши стихи и что они ей нравятся. — Когда же Вы отправляетесь в клинику? Позвольте пожелать, чтобы она помогла Вам восстановить Ваше здоровье. Если Вы еще дома, постарайтесь обрадовать меня Вашим посещением и Вашими стихами. С приветом, Федор Сологуб». ³⁴

С весны 1926 г. Сологуб был болен, весь следующий сезон кружок у него на квартире собирался нерегулярно, а летом 1927 г. Л. Аверьянова внезапно исчезла. В сентябре Ф. Дидерихс составил объявление для помещения в «Красной газете», в котором сообщалось: «Обстоятельства, могущие служить облегчением к ее розыску, следующие: Аверьянова-Дидерихс, выехав 12-го июля из Ленинграда, прибыла на автомобиле из Севастополя

³¹ Там же, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 4.

³² Пумпянский Лев Васильевич (1894—1940) — литературовед.

³³ Речь идет о сборнике Е. Я. Данько «Простые муки», опубликован: Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения. С. 238—261.

³⁴ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 55.

15-го июля в Ялту, собираясь того же числа вечером на пароходе выехать в Феодосию. Письмом от 1—2 августа Аверьянова-Дидерихс известила родных, что, перенеся тяжелую нервную болезнь, она на следующий день выезжает из Севастополя в Ленинград.³⁵ С тех пор Аверьянова-Дидерихс никаких сведений о себе не давала, равно как неизвестно и место пребывания ее в течение болезни. Приметы Аверьяновой-Дидерихс: 22 года, высокого роста, шатенка, худая, карие глаза, вытянутое лицо, узкая челюсть, на теле шрам от аппендицита».³⁶

Тогда же Ф. Дидерихс запросил о местонахождении своей жены М. А. Волошина, предполагая, что она могла отправиться в Коктебель, но получил от него отрицательный ответ. В письме к нему от 15 сентября 1927 г. Волошин советовал: «Думаю, что Вам надо было проехать в Крым самому и прежде всего обратиться в Симферополь в Клинический городок, где помещается единственная в Крыму больница для нервно-больных».³⁷

Исчезновение Л. Аверьяновой встревожило ее друзей и коллег; 29 сентября 1927 г. Ф. Дидерихс получил письмо «поддержки»:

Из откликов коллег
В простой керамике созвучий
Заклокотали болью жгучей
Ее певучие стихи.
Бывали дни —
они
над нами
Звенели
Спасскими часами,
Летели
к бороздам сохи!

Остались нам ее приметы...
И мы поем ее сонеты,
И перед нами скорбный лик. —
Нет Аверьяновой — певицы,
Но в жизнь вошедшие страницы
О ней поведают из книг!

Ленинград, 1927 — IX—29. К. Баян

(Ленинградский Союз Драматических и Музыкальных писателей)

³⁵ См. недатированную записку Л. Аверьяновой, обращенную к подруге, страдавшей депрессией: «Детка моя, у меня это же ощущение было в детстве и после разрядилось депрессивно, маниакальным психозом. Я сейчас с этим борюсь просто логическим контролем над собой, зная, что это не только душевный, но и физический недуг. Спасай себя этим же, пока не поздно» (Там же, ед. хр. 67, л. 3).

³⁶ Там же, ед. хр. 7.

³⁷ Там же, ед. хр. 16. Письмо Ф. Дидерихса к М. Волошину см.: РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 501; в письме он назвал жену по своей фамилии, и потому Волошин не понял, о ком именно идет речь. Тем не менее Ф. Дидерихс обращался к нему не случайно, так как был уверен, что Волошин знаком с его женой. См. запись, сделанную Волошиным на память Л. Аверьяновой: «Быть изгоем при всех царях и народоустройствах / Совесть народа — поэт. В государстве нет места поэту... М. Волошин. СПб. 14/IV 27» (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 15) — цитата из стихотворения «Доблесть поэта» («Править поэму, как текст заокеанской депеши...») (Волошин М. А. Собр. соч. М.: Эллис Лак 2000, 2004. Т. 2. С. 67).

Уважаемый товарищ! Посылаю Вам этот широкий, сочувственный отклик по поводу утраты (надеюсь *временной*) незаменимого товарища, настоящей живой музыки в бледнолицем кругу ленинградцев. Если бы понадобилось искать ее, хотя бы в расселинах крымского края, встревоженного землетрясением, то здесь нашлись бы Вам спутники по такому (и любому) направлению. К. Б.³⁸

Через некоторое время Л. Аверьянова вернулась в Петербург, однако «Вечера на Ждановке» фактически прекратились (5 декабря 1927 г. после продолжительной тяжелой болезни Ф. Сологуб скончался).

Запись о «вторнике» «неоклассиков», состоявшемся 16 ноября 1926 г., — единственная заметка о «Вечерах на Ждановке», сохранившаяся в архиве Л. Аверьяновой; вела ли она свои записи до того или позднее, мы не знаем. В ряду уже известных воспоминаний «неоклассиков» о Сологубе³⁹ эта короткая заметка, несомненно, займет свое место. В отличие от мемуаров М. В. Борисоглебского, В. В. Смиренского и Е. Я. Данько (кого, во-первых и прежде всего, интересовала личность поэта — «последнее Федора Кузьмича»), запись Л. Аверьяновой не выделяется «сологубоцентричностью». Перед нами — своеобразный «стенографический отчет» об одном из «вторников», который показался юной поэтессе интересным и достойным запоминания. Она воспроизводит «программу» вечера без каких-либо оценок услышанного и увиденного: темы разговоров (премьера «Дней Турбиных» Михаила Булгакова в МХАТ; аресты и расстрелы интеллигенции, избивание на улице милиционером-антисемитом поэта Вольфа Эрлиха, высылка Виталия Бианки и т. д. и т. п.), реплики присутствовавших и реакцию на них Сологуба, передает настроения членов кружка и их отношение к происходящему в Совдепии. Благодаря этой особенности повествования ей удается воссоздать подлинную атмосферу «вторников» — кружка независимой творческой интеллигенции, сгруппировавшегося вокруг Ф. Сологуба в 1924—1927 гг.

О дальнейшей судьбе Л. Аверьяновой известно немного (несомненно, эта тема заслуживает дополнительных разысканий и более подробного очерка).⁴⁰ Но и те немногие факты биографии талантливой поэтессы, кото-

³⁸ РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 11. *Спасские часы* — название стихотворения Л. Аверьяновой; опубликовано в журнале «Красная молодежь» (1925. № 5) и в «Собрании стихотворений» ленинградского Союза поэтов (Л., 1926). *К. Баян* — псевдоним К. М. Филиппова (сотрудник «Кр. Балт. Флота», 1922—1923).

³⁹ Наряду с вышеназванными воспоминаниями о Сологубе Е. Я. Данько и М. В. Борисоглебского см. также: *Смиренский В. В.* Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и коммент. И. С. Тимченко // *Неизданный Федор Сологуб*. М., 1997. С. 395—425.

⁴⁰ В 1930-е гг. Л. Аверьянова постоянного или продолжительного места службы не имела: работала в Центрархиве, в ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей); преподавала в средней школе, давала частные уроки, зарабатывала переводами из западноевропейской поэзии; нуждалась (28 апр. 1939 г. она писала А. Корсуну: «Лозинский написал холосый <так> отзыв, с которым меня все равно никуда не примут, пока не сдохла») (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 107, л. 13). В 1935 г. Л. Аверьянова передала свой архив на хранение в Пушкинский Дом, ее последнее письмо (А. Корсуну) отправлено из Ленинграда 30 мая 1941 г. По предположению Г. П. Струве, погибла в заключении (см.: *Струве Г.* Стихи А. Лисицкой // *Мосты*. 1962. № 9). В «Книге памяти» (Электронный ресурс общества «Мемориал») в числе жертв сталинских репрессий Л. И. Аверьянова не зарегистрирована. Наиболее полные сведения о позднем периоде жизни Л. Аверьяновой содержатся в ее письмах (1936—1940) к мужу — пе-

рыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что в свои 20 лет она отнюдь не случайно стала участницей «Вечеров на Ждановке», попала в «орбиту» «живого классика», который мог критически и по достоинству оценить и ее раннюю лирику, и переводы.⁴¹

Еще в начале 1920-х гг. Л. Аверьянова хотела эмигрировать. И. К. Акимов-Перец, с которым она поддерживала дружескую переписку, побуждал ее устроиться на дипломатическую службу в качестве переводчицы и перебраться в Латвию,⁴² однако проект казался ей неосуществимым (она не владела латышским языком).

Прорыв из внутренней эмиграции на свободу Л. Аверьяновой не удался, но стал возможным для ее стихов. В 1937 г. она передала (через свою ученицу) сборники «Пряничный солдат» и «Серебряная рака. Стихи о Петербурге» известному итальянскому слависту Этторе Ло Гатто.⁴³ От него они попали к Г. П. Струве, который, не зная о том, жив ли автор, напечатал их в «Новом журнале», «Возрождении», «Русской мысли», «Гранях», «Мостах» под псевдонимом *А. Лисицкая* (письма к близким Л. Аверьянова нередко подписывала: *Лис, Лисица, Лися, Лиска*). В 1995 г. стихи о Петербурге вернулись в Петербург — в подборке, опубликованной в журнале «Звезда», и уже не под псевдонимом, а под собственным именем, как того и хотелось их автору.⁴⁴

Приношу глубокую благодарность Анастасии Львовне Раковой за сообщенные сведения и содействие в работе.

* * *

Текст «Записи о „вторнике“ „неоклассиков“ 16 ноября 1926 года» печатается по автографу: РО ИРЛИ, ф. 355 (Л. И. Аверьяновой), ед. хр. 3.

реводчику Андрею Ивановичу Корсуну (1907—1963) (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 105—107) и в вышеупомянутой книге М. С. Глинки.

⁴¹ Сологубу принадлежат классические переводы стихотворений П. Верлена, а также философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (СПб., 1909), романа Г. де Мопассана «Сильна как смерть» (ПСС. Т. 5. СПб., 1909; 1912); стихотворений В. Гюго, А. Рембо, С. Малларме и др.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 8, л. 7—10 (письма И. К. Акимова-Переца к Л. И. Аверьяновой от 9 мая и 28 июля 1923 г.).

⁴³ С итальянским переводчиком и литературоведом Этторе Ло Гатто (Ettore Lo Gatto; 1890—1983) Л. Аверьянова познакомилась в 1929 г. и затем встречалась с ним летом 1934 г. в Москве; сохранилось его письмо к ней от 6 октября 1934 г., в котором, вернувшись из поездки, он благодарит ее за встречу и «приятную компанию», а также сообщает, что выслал ей книги итальянских поэтов (РО ИРЛИ, ф. 355, ед. хр. 33).

⁴⁴ В письме, приложенном к рукописи «Серебряной раки», Л. Аверьянова просила Этторе Ло Гатто: «...не бойтесь за меня и не жалейте: природные данные каждого человека должны иметь свободное развитие, в этом — залог развития культуры. <...> Псевдонима не давайте, пожалуйста, пускай книга выйдет под моим именем, как моя подпись. Один конец!» (*Тименчик Р. О стихах-эмигрантах. С. 125*).

16 ноября 1926 <года>

Я глубоко сожалею, что недостаточно умна для словесного турнира с Ф. К. Сологубом.

Я вошла (сегодня очередной в этом «сезоне» — вторник «неоклассиков») в его тепло-натопленную спальню-кабинет, со старинной мебелью красного дерева и синим сукном на письменном столе. Спиной к двери, в жестковатом екатерининском кресле уже сидел М. В. Борисоглебский.¹ Разговор шел о Булгакове: перед моим приходом М<ихаил> В<асильевич> рассказывал о нашумевшей пьесе последнего «Дни Турбиных», которую М<ихаил> В<асильевич> видел в Москве и которая, по его словам, производит впечатление потрясающее.² Ф<едор> К<узьмич> слушал холодно и только заметил, что рассказы Булгакова он знает и они ему нравятся,³ но что пьесы, которые дают 40 аншлагов и «толпа на них валит», ему обычно уже по этому одному нравиться не могут.

Когда мы на минуту остались одни, Ф<едор> К<узьмич> вдруг круто спросил: «Стихи пишете?» — «Мало». — «Напрасно, — наставительно заметил он, — надо писать много». В этот вечер он не раз возвращался к этой теме и, между прочим, рассказал, как однажды спросил его Александр Александрович (Блок), сколько у него за последний год написано стихов. «50», — наобум ответил Сологуб, на что Блок решительно произнес: «Мало».

С приходом Н. Ф. Белявского и В. В. Смиренского разговор принял другое, несколько неожиданное направление: спорили Ф<едор> К<узьмич> и я о разнице между «учителем» и «педагогом». Ф<едор> К<узьмич>, многие годы своей жизни бывший школьным учителем⁴ (я думаю, что для человека его склада и ума это должно было быть ужасно), упорно утверждал, что учителю педагогом быть незачем, для него важна методика, а не педа-

¹ *Борисоглебский Михаил Васильевич* (1896—1942; наст. фам. — Шаталин; репрессирован, погиб в тюрьме) — поэт, беллетрист, историк балета, художник, в 1924—1927 гг. был секретарем Правления Союза писателей (ЛО) при Ф. Сологубе, подробнее о нем см.: М. В. Борисоглебский и его воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и примеч. М. М. Павловой // Русская литература. 2007. № 2. С. 88—115.

² Пьеса М. А. Булгакова «Дни Турбиных» (1926; при жизни автора на родине не печаталась, впервые: М.: Искусство, 1955) была поставлена на сцене МХАТ Ильей Яковлевичем Судаковым (1875—1933) при участии К. С. Станиславского; премьера состоялась 5 окт. 1926 г.; постановка имела шумный успех у зрителей и принесла автору широкую известность, несмотря на разгромную кампанию в критике, обвинившей его в апологетике белого движения (см. библиографию: *Смелянский А. М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1989).

³ До 1926 г. вышли в свет сборники рассказов М. Булгакова: «Дьяволиада» (М.: Недра, 1925), «Рассказы библиотеки „Смехач“» (Л.: Смехач, 1926), «Трактат о жилище» (М.; Л.: Земля и фабрика, 1926); его проза регулярно появлялась в московских газетах «Гудок», «Рабочая газета», «Медицинский работник» и в ленинградском «Смехаче». В личной библиотеке Сологуба книги М. Булгакова не выявлены; см.: *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 435—522.

⁴ Ф. Сологуб преподавал 25 лет, причем в течение 10 лет в провинции: в 1882—1885 гг. в Крестцах Новгородской губ. и 1885—1889 г. в Великих Луках Псковской губ. в народных училищах, в 1889—1892 гг. в Вытегре Олонецкой губ. в учительской семинарии.

гогика, я же уперлась на том, что «с современной точки зрения» учитель не педагогом быть не может, и даже высказала мнение, что, уже само по себе, накопление и передача знаний есть одновременно самовоспитание или воспитание человека. Последнее слово осталось, конечно, за Ф<едором> К<узьмичом>.

Е. Я. Данько, а за нею и В. П. Калицкая⁵ перевели разговор на тему о пособиях членам Союза писателей. В<ера> П<авловна> рассказала, что снова посетила Чарскую — и нашла ее в положении ужасном.⁶ У Чарской туберкулез в третьей степени, муж ее безработный и тоже туберкулезный, средств к существованию никаких. Она все время лежит, оживляется редко, и оживление это нездоровое, нервное. Между прочим, она рассказала В<ере> П<авловне>, сколько ей платили в прежнее время — и это разом разрушило мои представления о ее «высоком авторском гонораре»: так, за «Княжну Джаваху»,⁷ создавшую ей наибольшую популярность, Вольф⁸ заплатил ей — и это при продаже рукописи в собственность! — 200 рублей. И только в самое последнее время, перед войной и революцией, она стала получать 1000 р. за книгу, опять-таки при ее продаже в собственность.

В<ера> П<авловна> защищала Чарскую, уверяя, что та «непрактична», на что Сологуб едко заметил, что «практичность» здесь не при чем. И рассказал, как однажды пришел к нему Е. В. Аничков⁹ и передал, что И. Д. Сытин дает (Ф<едору> К<узьмичу>) за «Мелкого беса»... в собственность!.. 500 рублей.¹⁰ «Я, конечно, не сказал Е. В. Аничкову, что он дурак, потому что он был очень милый человек, — но при чем же здесь пракτικότητα?!».

За чаем Борисоглебский разразился совершенно необычной историей. В день праздника милиции (это было совсем на днях, кажется, числа 12-го) на углу Морской и Невского стоял важный, представительный милиционер — «тип старого городского» — и опрашивал облюбованных им прохо-

⁵ *Абрамова-Калицкая Вера Павловна* (в первом браке Гриневская — жена писателя А. С. Грина; 1882—1951), состояла в секции детской литературы Союза писателей; автор воспоминаний «Федор Сологуб в Вытегре», опубл. К. М. Азадовским в сб.: *Неизданный Федор Сологуб*. М., 1997. С. 261—289.

⁶ Обсуждение на «вторнике» 16 нояб. 1926 г. тяжелого материального положения писательницы *Чарской Лидии Алексеевны* (наст. фам. — Чурилова; 1875—1937) побудило Сологуба написать статью о Чарской (датирована: 30 ноября 1926; текст статьи см.: *Путилова Е. Э. Ф. Сологуб и Л. Чарская // Русская литература*. 1995. № 4. С. 159—168, с публикацией писем). Ср.: «Калицкая, которая в ослеплении перед гением Федора Кузьмича и в уверенности, что его гениальность непреложна для всех на свете, потащила в прошлом году статью Сологуба о Чарской, где он восхваляет Чарскую и называет ее чуть ли не великой писательницей-революционеркой (я не преувеличиваю), прямо к Сейфуллиной — с просьбой напечатать эту статью в „Звезде“, в уверенности, что Сейфуллина с руками оторвет это гениальное произведение» (*Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1992. С. 197).

⁷ Имеется в виду роман Л. Чарской «Княжна Джаваху» (1903), пользовавшийся популярностью.

⁸ Речь идет об издательстве товарищества Вольф, основанном Мавриkiem Осиповичем Вольфом (1825—1883).

⁹ *Аничков Евгений Васильевич* (1866—1937) — историк литературы, критик, прозаик.

¹⁰ *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — книготорговец, владелец издательства, основанного в 1883 г.; Сологуб пытался договориться с ним об издании «Мелкого беса» (см. об этом в письме Сологуба к Г. Чулкову от 18 янв. 1907: РГБ, ф. 371, карт. 4, ед. хр. 76, л. 17).

жих — «русские они или евреи?»). Человек, шедший перед поэтом Вольфом Эрлихом,¹¹ оказался, к счастью своему, русским и на свой ответ услышал снисходительное: «Проходи». С Вольфом же дело приняло скверный оборот. На вопрос постового: «русский ты или жид», он ответил в первый раз: «А зачем это Вам?», во второй: «еврей». Тогда милиционер, по-видимому, вконец опьяненный своим милицейским праздником и «административным», а может быть, и «патриотическим» восторгом... дал Вольфу Эрлиху «в морду» — и при этом со всего размаха. Потом повел его в милицию, нещадно лупя всю дорогу, а, приведя, обвинил Вольфа в нападении первым. Однако дело выяснилось, милиционер тут же был обезоружен и уведен, и говорят, что дело будет направлено в суд.

Другая сенсация, приготовленная нам Борисоглебским, оказалась еще кошмарнее: секретарь М<осковского> о<тделения> В<сероссийского> с<оюза> п<исателей>, беллетрист Вагин был неизвестно за что арестован и затем, также таинственно, расстрелян...¹² Ходят слухи, что он был убит во время допроса; версия такая: допрос сопровождался мордобитием, и Вагин, человек горячий, осмелился дать сдачи. За это его на месте.

Воцарилось молчание. Кто-то тихо произнес: «Страшные вещи творятся кругом». «Я знаю еще два случая», — выговорила я со сжимающимся горлом. Меня просили рассказать. И я рассказала о «двойной гибели» так, как слышала это от мужа.

В годы военного коммунизма был арестован известный теннисист Аленыцын: в ЧК — теперь это называется иначе — он повесился на шнурках от сапог. Весть эта достигла А. Л. Рафаловича, также теннисиста. Рафалович был возмущен: «как мог совершить такой поступок молодой, здоровый человек, при этом спортсмен»... Рафалович был экономистом. Без всякой задней мысли давал он сведения экономического характера за границу. Полгода спустя после гибели Аленыцына он также был арестован — и в той же тюрьме повесился на подтяжках.¹³

«Повесили», — мрачно сказал Сологуб. Я подумала, что и у моего мужа была эта мысль...

¹¹ Эрлих Вольф Иосифович (1902—1937; репрессирован) — поэт, член Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов с 1924 г. Инцидент произошел 12 ноября в день празднования девятой годовщины рабоче-крестьянской милиции, по этому случаю на площади Урицкого (с 1923 по 1944 так называлась Дворцовая пл.) был устроен парад.

¹² Имеется в виду беллетрист Петр Вагин (наст. имя и фам. — Петр Иванович Карамышев; 1877—1926?) — автор сборников «У порога. Рассказы» (М., 1922), «Бессмертие. Сказки» (М., 1922), «Лезна. 16 диалогов с обрамлениями» (М., 1925).

¹³ Аленыцын Александр Аполлонович (1883?—1922) — один из сильнейших теннисистов России в первой четверти XX в.; «...один из кумиров дореволюционного лаун-тенниса. В конце сентября 1922 года он был арестован по ложному обвинению в шпионаже. Его нервы не выдержали этого потрясения, и он повесился в тюремной камере в ночь на 5 октября 1922 года в Петрограде. Александру было всего 39 лет» (Фоменко Б. И. История лаун-тенниса в России. М., 2000. С. 54), см. также о нем: Российский теннис: Энциклопедия / Сост. Б. Фоменко. М., 1999. С. 11. Рафалович Алексей Л. (погиб в 1923?) — экономист, в 1911 и 1912 гг. входил в десятку лучших теннисистов России (упоминается в статье «Классификация сильнейших теннисистов России» в кн. «Российский теннис: Энциклопедия». С. 79); кандидат в члены Руководящего комитета ВСЛТК — Всероссийского союза лаун-теннисных клубов (портрет А. Рафаловича см.: Фоменко Б. И. История лаун-тенниса в России. С. 24).

Помню еще, как муж мой рассказывал об аресте теннисистки Натальи Алексеевны Сувориной: она служила в одном учреждении, где могла доставать белые газеты.¹⁴ Однажды она дала их почитать Бруно Шпигелю — известному и сейчас теннисисту.¹⁵ У того был обыск; нашли газеты; и он показал на Н. А. Суворину... Ее арестовали. Из тюрьмы она так и не вышла, умерла от дизентерии...

Е. Я. Данько поразила меня вестью о том, что еще в прошлом году сослан в Уральск Виталий Бианки.¹⁶ Оказывается, он был когда-то эсером и даже в белой армии, но имел по возвращении сюда покровительство Лилиной¹⁷ и ее честное слово, что с ним ничего не случится. Теперь, однако, Лилину «убрали», а с нею и старые грехи ее «протеже». В. Бианки находится в ужасных для интеллигентного человека условиях: без книг, без правильно доходящих писем. «Черта оседлости» оторвала его от природы, а ему, зоологу, писавшему из личной практики все «звериные» и «лесные» истории в отделе детских журналов, это невыносимо — тяжело. В<ера> Н<иколаевна> приехала сюда,¹⁸ чтобы иметь возможность посылать ему книги: никакие письменные ходатайства в учреждениях, с которыми он был связан, не действовали.

Во время чая вошел Ю. Н. Верховский.¹⁹ Его пышная шевелюра и густая черная борода — сильно «поповская» внешность и только не посвященнически умное лицо ее спасает — разом разрушили мое воображаемое представление об его облике. Перешли в кабинет. Доклада, в собственном смысле этого слова, не было; помню немногие мысли Верховского: «по-

¹⁴ *Суворина Наталья Алексеевна* (1902 ?—1921) — дочь А. А. Суворина, внучка А. С. Суворина, скончалась в тюремной больнице. О видимой причине ее ареста А. В. Амфитеатов писал: «Наталья Алексеевна Суворина, 18-летняя девушка, внучка знаменитого основателя „Нового времени“ и дочь редактора-издателя „Руси“. Барышня эта, особа совершенно аполитичная, немножко художница, немножко певица, служила в „Роста“ (Российском телеграфном агентстве), получающем ex officio все заграничные газеты. У одного из ее знакомых при обыске нашли „Times“а. Он при допросе показал, что номер дала ему Суворина. <...> Барышня весьма красивая собою и охотница если не наряжаться <...>, то хоть пометать о нарядах, глядя, как в приличных странах приличные люди одеваются, — брала из „Роста“ модные картинки, заметьте, не самовольно, а с разрешения своего начальства... Удовольствие стоило бедняжке долгого предварительного заключения и приговора к шестимесячным принудительным работам» («Горестные заметы». Берлин, 1922. С. 14—15). Следует отметить, что дядя арестованной, Суворин Борис Алексеевич (1879—1940, с 1918 в эмиграции) был видным деятелем русского тенниса; одним из основателей (вместе с А. Д. Макферсоном) КЛТК («Крестовский лаун-теннисный клуб») (1894) и ВСЛТК (1908) и устроителем первого матча между российскими и английскими теннисистами (подробнее о нем см. в: Российский теннис: Энциклопедия).

¹⁵ *Шпигель Бруно Альфредович* (1897—1940) — теннисист, тренер, член «Петроградского кружка любителей спорта» и затем «Парголовова общества любителей лаун-тенниса».

¹⁶ *Бианки Виталий Валентинович* (1894—1959) — детский писатель-анималист, в январе 1926 г. был сослан в Уральск, в 1928 г. в Новгородскую область, освобожден из ссылки в 1929 г.

¹⁷ *Лилина Злата Ивановна* (урожд. Бернштейн; 1882—1929) — первая жена Г. Е. Зиновьева, в 1920—1924 гг. возглавляла Петроградский Губсоцвос, зав. Отделом учебников Главсоцвоса при московском Госиздате РСФСР; в 1924—1926 гг. — зав. Ленгубоно.

¹⁸ *Бианки Вера Николаевна* (урожд. Клюжева; 1894—1972) — жена писателя.

¹⁹ *Верховский Юрий Никандрович* (1878—1956) — поэт, переводчик, историк литературы, в 1920-е гг. входил в ближайший круг Ф. Сологуба. Об истории его отношений с Сологубом см.: Письма Ю. Н. Верховского к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2003. № 2. С. 121—140.

эзия Ломоносова, параллельная Елисаветинскому стилю в архитектуре, раскрывается нам во всей полноте только тогда, когда мы ее мысленно свяжем со стилем этой эпохи». Это очень хорошо, очень верно.

Потом Борисоглебский вернулся к своему «коньку» — «Дням Турбиных». Он сказал пламенную речь, любопытным местом которой явился рассказ о том, как Блюм (из Главреперткома) ни за что не хотел разрешить эту пьесу²⁰ и, чтобы добиться своего, согнал на закрытый просмотр до 1000 коммунистов, из которых половина была — женщины-делегатки в красных платочках; и как не успев просмотреть и трех картин, вся эта публика редела и обтирала слезящиеся морды!.. Блюм был в отчаянии, но пьеса все же была разрешена к постановке, хотя Совнарком ограничил ее существование только 1 сезоном и только в Московском Художественном театре,²¹ на всю Россию...

Верховский, разбирая формы современного искусства, заметил, что «большой формой» для драматургии явится мелодрама, к которой она сейчас приближается. Сологуб возразил, цитируя успех «Дней Турбиных», что «большой формой», пожалуй, явится историческая хроника, наподобие Шекспировой. Он связывал свое предположение еще вот с чем: «придрался» к словам Борисоглебского, что «Дни Турбиных», безусловно, не смогут быть так же глубоко воспринятыми зрителями, не перенесшими нашей революции, как нами, ее перенесшими, и оттого произведение, могущее «устареть», не является высоко-художественным... по форме же и трактовке сюжета «Дни Турбиных» представляются ему именно исторической хроникой — и ничем иным. А если публику привлекает не историчность, а «общность переживаний» с рампой и только-то, грош ей, пьесе, цена.

На этом ставлю точку, оттого что все переврала и спать хочу смертельно.

²⁰ Блюм Владимир Иванович (1877—1941; псевд. — Садко) — театральный и музыкальный критик, редактор журналов «Вестник театра» (1919—1921), «Новый зритель» (1924—1926), сотрудник «Жизни искусства»; один из деятелей Реперткома, о сопротивлении Блюма прохождению в МХАТ «Дней Турбиных» см. примеч. в книге: Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Л., 1989. С. 522, 530.

²¹ Пьеса М. А. Булгакова «Дни Турбиных» за первый сезон 1926/27 г. в Московском Художественном театре прошла 108 раз; снята в апреле 1929 г., возобновлена в феврале 1932 г., поскольку пользовалась исключительной любовью Генерального Секретаря ЦК ВКП(б).